

«Молитва» Евфимии Смоленской в кругу источников

Создание стихотворных молитв на Руси XVII в. — явление нередкое. Среди авторов можно назвать Семена Шаховского, Ивана Хворостинина, Алексея Онуфриева, архимандрита Германа, протопопа Аввакума, Дмитрия Ростовского, Стефана Яворского и др. Однако уверенно судить об одинаковой жанровой принадлежности молитв всех перечисленных авторов не стоит.

Применительно к древнерусской литературе принято говорить о возникновении жанровой формы под влиянием конкретных бытовых обстоятельств [см.: Лихачев 1986: 63]. Можно уверенно говорить, что стихотворения XVII в. распадаются на группы в зависимости от адресата и цели написания. К примеру, приказные авторы особенно часто адресовали вирши друг другу, в то время как авторы Новоиерусалимской школы чаще обращались к высшим силам. Но встречаются и тексты, находящиеся на пересечении бытового послания-просьбы (адресат которых — человек, способный повлиять на судьбу автора) и собственно молитвы.

Большинство стихотворных молитв тяготеет к гимну (панегирику Богу, Богородице, святому и др.) или покаянию (плачу). В текстах последнего типа особенно сильно выражено исповедальное начало, которое часто принимают за индивидуальные лирические переживания и называют истоками авторского самосознания в русской поэзии. Совершенно особый статус в науке получают тексты, в которых просматриваются черты личного авторского опыта. Таковы стихи архимандрита Германа «Память предложити смерти прииде время» («...впервые в русской литературе звучит личное настроение автора, сказывается его интимное чувство» [Позднеев 1996: 38]), молитва Семена Шаховского «Против разлучения супружества» и молитва Евфимии Смоленской («Это внутреннее, открывавшееся лишь в намеках на настроение, душевное состояние, было редким. Открытия, сделанные Евфимией Смоленской и Симеоном Шаховским, не были подхвачены и развиты» [Савченко 2010]).

Но проблема выделения авторского лирического начала, на наш взгляд, гораздо глубже. С одной стороны, можно привести множество текстов начала семнадцатого столетия, в которые вписаны индивидуальные черты, обусловленные биографией автора — личные переживания, связанные с конкретными жизненными обстоятельствами. С другой стороны, при попытке выделения текстов по предполагаемому наличию в них собственно лирического — новаторства в духе поэзии Нового времени — мы рискуем оторваться от литературно-исторического контекста, что и произошло с молитвой Евфимии Смоленской.

Стихотворная «Молитва Господу Богу благодарная и песнь плачевная...» представляет собой довольно пространственный рифмованный досиллабический текст с короткими строчками и по большей части глагольными рифмами. По сюжету жена плененного священнослужителя обращается к Богу от своего имени и имени троих своих сыновей с просьбой вернуть семье кормильца. Речь детей приводится также в стихах, от первого лица.

Вирши были впервые опубликованы в 1989 г. [см.: Виршевая поэзия 1989: 262—267] по списку РГБ (собр. Тихонравова, № 249) и снабжены небольшим комментарием, после чего слава Евфимии как первой женщины-поэта в России прогремела в широких кругах. Стихотворение в сокращенном виде печаталось в нескольких популярных изданиях¹, а в Интернете появилось даже вольное поэтическое переложение «Молитвы» современной поэтессой².

Нетрудно понять, что авторов предпринятых публикаций и переложений привлекает оригинальность памятника: впервые для широкой аудитории звучит голос женщины-поэта из средневековой Руси. Мы не можем наверняка сказать, является ли Евфимия в данном случае автором или поэтическим образом, но тот факт, что данный текст вложен в уста женщины не вызывает удивления.

¹ См.: «Любовь — небес святое слово!..»: классика русской женской поэзии. М.: Эксмо, 2011; Молитвы русских поэтов. XI—XIX: Антология. М.: Вече, 2012.

² См.: URL: <http://www.stihi.ru/2012/09/27/5392> (дата обращения: 10.11.2014).

Прежде всего, следует напомнить о глубокой связи «Молитвы» с фольклором, а именно жанрами причитаний и духовных стихов. О последних заявлено непосредственно в начале текста: «Воспевати же ся (молитва. — О. К.) может на глас Прекрасныя пустыни и Прекраснаго Иосифа» [Виршевая поэзия 1989: 262].

Под «Иосифом Прекрасным», скорее всего, подразумевается духовный стих «Кому повем печаль мою». В пользу этого предположения говорит не только широкая популярность последнего текста, но и сопоставимая длина строк. Что же касается «Прекрасной пустыни» (вариантов которой немало), то наиболее схожим текстом представляется духовный стих «О, прекрасная пустыня! // И сам Господь пустыню похваляет». Об этом свидетельствует структура обоих стихотворений (в случае «Молитвы» можно говорить лишь о начальном фрагменте, поскольку длина текстов различна) — обращают на себя внимание звенья идентичных глагольных рифм. Сопоставим обе пары:

Духовный стих	«Молитва» Евфимии Смоленской
О, прекрасная пустыня (<i>Похвала пустыни, строка 1</i>) [Народные духовные стихи 2004: 370].	О, владыко боже святей (<i>строка 1</i>) [Виршевая поэзия 1989: 262].
Буду просить я милости От всея своя я крепости. (<i>Плач Иосифа Прекраснаго, строки 7—8</i>) [Народные духовные стихи 2004: 71].	Величество твое и мудрость сила твоя и крепость <...> и милость неизреченна (<i>строки 5—6, 10</i>) [Виршевая поэзия 1989: 262].
Сам Господь пустыню восхваляет, Отцы в пустыне скитают, Ангелы отцем помогают Апостоли отцов убажуют, Пророцы отцов прославляют, Мученицы отцов восхваляют, А вси святии отцов величают... (<i>Похвала пустыни</i>) [Народные духовные стихи 2004: 370—371].	Руки свою отверзаеш и благих вся исполняеш, всю тварь окормляеш и мирно устрояеш. Праведным своим любов простираеш и царство им подаваеш. И грешных не оставляеш... (<i>строки 11—17</i>) [Виршевая поэзия 1989: 262].

В сравниваемых текстах также присутствует несколько близких образов (к примеру, реки слез), сходство которых, однако, правильнее отнести к общей фольклорной основе.

Почему же в качестве напевов для «Молитвы» указано два духовных стиха? Этому может быть несколько объяснений. С одной стороны, автору мог быть известен распев, совпадающий для обоих сюжетов о юношах, и он их не разделял, тем более что сами эти стихи имеют генетическую связь [см.: Мекш 2005]. С другой стороны, стихи могли исполняться на два мотива — впрочем, это менее вероятно. Наконец, поскольку стихотворный текст «Молитвы» четко делится на композиционные части, есть вероятность, что части его могли исполняться на разные мотивы — в таком случае, перед нами авторская компиляция.

Напомним, что в подзаголовке вирши одновременно названы «молитвой благодарной» и «песней плачевной»: в стихотворении, действительно, есть два перемежающихся компонента — гимн и плач. На композиционные части «Молитва» разбивается по «голосам» и по жанровой ориентации. Схема будет выглядеть следующим образом: панегирик (восхваление Бога от лица Евфимии — 30 строк) → причитание (от лица Евфимии, с элементами повествования — 50 строк) → панегирик (от лица троих детей — 6, 4 и 70 строк) → панегирик и причитание (хор голосов — 94 строки). «Выступления» каждого из сыновей строятся однотипно: дети представляются, сознаются, что достойны наказания (Саввин — жезла, Леонтей — плетей, Николай — лоз) и присоединяют свой голос к общему гимну. Грехи, в которых они потом каются, действительно ребяческие: непослушание, невнимательность, игры в церкви, смех над нищими. Больше других «произносит» младший сын — младенец, умеющий пока только ползать. Это переключка с евангельским сюжетом о грудных детях в Иерусалиме, славящих Христа или Псалтирю (подробнее об этом см. ниже).

Использование в стихотворении детских «голосов» привлекло внимание первых комментаторов «Молитвы». Связь этих виршей со школьными декламациями, заявляемую ими [см.:

Виршевая поэзия 1989: 447], доказать непросто, но связь с фольклорным жанром причитания очевидна. В соответствии с его канонами в «Молитве» есть развертываемая в настоящем времени реакция на события прошлого, обилие глаголов действия («очи струи источают», «воспеваю», «возсылаю», «хвалю», «благодаряю», «приполз», «мати с чады притекохом» и др.), диалог. В фольклористике хорошо известны случаи, когда вопленица говорит от имени рекрута или умершего, женщина причитает вместо мужчины, не говоря уже о профессиональных плакальщицах. В причитаниях дети — частые участники действия: о них говорится в текстах, они на руках у вопленицы, к ним обращены реплики матери — так или иначе они участвуют в обрядовом действе. Синтаксический строй «Молитвы» также недвусмысленно отсылает к жанру причети, а образные ряды позволяют вписать произведение в общий контекст плачей, создаваемых в XVII столетии:

Плач соловецких инок (на события 1668—1676 гг.)	«Молитва» Евфимии Смоленской (на события 1654 г.)	«Сказание о страстях Господа Бога...» Сильвестра Медведева (ок. 1681 г.)
Облакъ темныи всюду осени, Небо и воздухъ мракомъ потемни. Солнце в небеси скры своя лучи <...> И дневный свет приложися в мрак [Духовные стихи 1999: 246—247].	Солнце облакомъ покрыся, и день во мракъ преложися <...> Разгони облаки темныя [Виршевая поэзия 1989: 263].	Солнце бо наше како измѣнися, радость во слезы, день в ночь преложися! [Памятники 1994: 221].

Помимо описанных фольклорных моделей, легших в основу «Молитвы», стоит сказать о многочисленных отсылках к текстам Священного Писания и литургических формулах, обнаруживаемых в стихотворении. Евфимия определяется как «пре-

«Молитва» Евфимии Смоленской в кругу источников

дикатора некоего сожительница», и, пожалуй, в пользу ее авторства говорит хорошее знание стихотворцем этих источников. Отсылки расположены неоднородно, большая часть их приходится на первый фрагмент (панегирик от лица Евфимии).

«Молитва» Евфимии Смоленской	Возможный источник
царю вышний, нам страшный, и всей твари ужасный! [Виршевая поэзия 1989: 262]	яко Господь вышний страшен, царь велий по всей земли (Пс. 46: 3)
вышним чином недозрима, человеком недостижима [Виршевая поэзия 1989: 262]	Бога человеком невозможно видети, на Негоже не смеют чини Ангельстии взирати (Ирмос Канона покаянного)
Руки свою отверзаеш и благих вся исполняеш [Виршевая поэзия 1989: 262]	Давшу тебе им, соберут: отверзшу тебе руку, всяческая исполнятся благости (Пс. 103: 28)
браздою узды востягаеш и к себе их привлекаеш [Виршевая поэзия 1989: 262]	Не будите яко конь и меск, имже несть разума: броздами и уздою челюсти их востягнеши, не прибли- жающихся к тебе (Пс. 31: 9)
Благословен царь исаирав, от Июды востай лев [Виршевая поэзия 1989: 265]	вот, лев от колена Иудина, корень Давидов (Откр. 5: 5)
Восхити изо уст змиевых нас, грешных, из ногтей львовых [Виршевая поэзия 1989: 267]	Ты, избавивший Адама из уст зми- евых, извлеки меня из тины безза- коний моих, потому что и я принад- лежу к числу овец Твоих и по своим хотениям стал пищею львов. (Ефрем Сирин, Слезное моление в четверг вечером)
ссуци млеко хваляху и песнь красну воспеваху: — Осанна в вышних грядый [Виршевая поэзия 1989: 265]	из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу (Пс. 8: 3). Видевше же архиерее и книжницы чудеса, яже сотвори, и отроки зо- вуща в церкви и глаголюща: осанна Сыну Давидову, негодоваша (Мф. 21: 15).

Несмотря на то, что Псалтырь — одна из основных книг, на которые опирается автор «Молитвы», отсылка к чуду с заговорившими младенцами подразумевает, скорее, обращение к Новому Завету. В стихотворении обстоятельно выстроено противопоставление мудрых младенцев глупым старцам, распявшим Христа; также упоминается хулительное междометие «Уа», называемое в Евангелии от Марка (Мк. 15: 29). Этот эпизод служит художественным обоснованием тому, что хвалу произносит младший ребенок Евфимии. Данный лично ему текст по объему превышает реплики братьев и лишь на десять строк уступает словам матери. Так, мотив чудесного обретения дара речи становится одним из главных в «Молитве».

Еще один любопытный содержательный компонент стихотворения, возвращающий его в контекст средневековой литературы, — тема расплаты и ее благодатного воздействия на жизнь человека. Героиня в поисках причины несчастья, постигшего ее семью, называет только одну «вину»: она жила без скорби, «о души своей не радяше». В финале стихотворения звучат такие строки:

но хочещи спасенном (нам) быти
и во царствии твоём жити.
Сего ради благоволил, —
в скорби нам быти зде изволил
[Виршевая поэзия 1989: 265].

Мать с детьми обращаются к Богу с просьбой сократить срок наказания, смиренно принимая его как исцеление от греха. Эта мысль звучит во многих стихотворениях XVII в. Например, в послании князю Д. М. Пожарскому уже упоминавшегося Семёна Шаховского: «Аще бы не посылал на нас таковых бед, отпали б его (Бога. — О. К.) в конец» [Виршевая поэзия 1989: 83]. Та же идея преломляется в средневековых виршах о смерти, где «страх смертный» становится мотивацией праведной жизни для христианина.

Хорошо известна основополагающая роль канона в древнерусской литературе. Произведения, жанровая форма которых выглядит новаторской, все же стремятся к самообоснованию путем ссылок на авторитетные образцы. Как протопоп Аввакум, создавая свое «Житие», опирается на Апостол, так и в подзаголовке рассматриваемой «Молитвы» прямо указываются модели, по которым строится стихотворение.

Автора «Молитвы» сложно отнести к какой-либо поэтической школе. Первые издатели текста склонны считать, что он примыкает к литературным опытам приказных авторов. Возможно, некоторые устойчивые топосы или само содержание стихотворения (оно близко к посланию-просьбе, вроде виршей Михаила Злобина) способствовали принятию такого решения. Но можно привести и другие аналогии. Многие стихотворные произведения монахов из Нового Иерусалима так же, как и «Молитва», предназначены для пения. В песенниках к ним прилагаются ноты, мелодия обуславливает текст — по-видимому, как и в произведении, приписываемом Евфимии³. При этом новоиерусалимские стихотворения содержат в рамках барочной традиции элементы, предназначенные для прочтения (акrostихи, графическое оформление текстов, обыгрывание имен). «Молитва» в большей степени тяготеет к фольклорным текстам и ориентации на ее визуальное восприятие в сохранившемся списке не обнаруживается.

СОКРАЩЕНИЯ

Виршевая поэзия 1989 — Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М., 1989.

Духовные стихи 1999 — Духовные стихи. Канты: Сборник духовных стихов Нижегородской области. М., 1999.

Лихачев 1986 — *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.

³ См. о словесном и музыкальном параллелизме: *Преображенский А. В.* Культурная музыка в России. Л., 1924.

Мекш 2005 — Мекш Э. Духовные стихи как феномен старообрядческой культуры // Староверие Латвии: Материалы Международной конференции 29—30 апреля 2004 г. Рига, 2005. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/182-1-0-426> (дата обращения: 10.11.2014).

Народные духовные стихи 2004 — Народные духовные стихи. М., 2004.

Памятники 1994 — Памятники литературы Древней Руси. Т. 12: XVII век. Кн. 3. М., 1994.

Позднеев 1996 — Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII—XVIII вв. (Из истории песенной силлабической поэзии). М., 1996.

Савченко — Савченко Т. Т. Симеон Полоцкий и его школа на пути формирования русской лирики // Вестник КарГУ. Серия Филология. 2010. № 4. URL: <http://articlekz.com/node/2009> (дата обращения: 10.11.2014).